

Е. Е. Голубкова (МГЛУ, Москва, Россия)

ДИНАМИКА АССИМИЛЯЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Корректируйте свою речевую продукцию

Вероника Скворцова

Мемно!

Постоянное обновления состава англицизмов (по данным словаря С. И. Левиковой из 1005 единиц 908 составляют англицизмы), которое легко проследить на сайтах «Словарь перемен» и «Неологизм года», а также в онлайн-словарях слэнга и лингвистических корпусах, оставляет по-прежнему актуальными вопросы причин заимствований, особенностей их ассимиляции и вариантивности значения и формы [1; 2].

Нельзя не отметить и тот факт, что в онлайн-общении появилась новая гибридная разновидность письменного и устного языка (как английского, так и русского), которую Дж. МакВортер остроумно назвал «*fingered speech*», цель которого приблизить письменную речь (набираемый текст сообщения) к устной [3]. Отсюда нарушения пунктуации, правописания, синтаксиса, мультимодальность сообщений (смайлы и эмодзи), диалогический стиль речи и беспрецедентные требования к лаконичности. В чатах и форумах пользователи идентифицируют себя как участники нетспика, то есть показывают, что находятся в курсе современных жаргонизмов и сленгизмов киберязыка.

В работах по когнитивной лингвистике было показано, что процесс заимствования определяется не только престижем английского языка и когнитивными лакунами (*органайзер, таймер, сканнер, виджет*), но связан также с особенностями конструирования средствами каждого языка ситуации или события, так как заимствование не является дубликатом русского синонима (ср.: *шопинг* и *поход по магазинам*). Помимо этого, очевидно, что заимствование проходит путь ассимиляции, «*вживаясь*» в систему языка-рецептора на всех уровнях, в том числе и на семантическом. Это часто приводит к модификации изначального значения. Оставляя за рамками способы введения письменной формы заимствованного слова в русский язык и их функции, в данном сообщении мы хотели бы обозначить некоторые тенденции ассимиляции современных частотных англицизмов:

- разрастание словообразовательных гнезд; ср.: *гуглить, выгуглить, выгугливать, погуглить, загуглить, выгугленный, гуглевантность; френд, за-/отфрендить, зафрендиться, френд-зона, принципы френдования; коннект, коннектиться, коннектинг; лайк, лайкнуть, лайкать, полайкивай, дизлайк; випить, випнуть, випарь* ('ведущий себя как VIP'), *креза или крейза, крезовник, крейзушник, крейзовый прикид, крейзануть; лухарь(ка), лухарить* (от *luxury*);

- включение заимствований в русскую морфологическую систему (активная «работа» русских аффиксов и образование новых частей речи); например, финали *-ить, -ать, -уть, -ка, -ция, -но* и приставки *за-, с(о)-, пере-* (*засуспендить, лагать, триповать, хакнуть, рипнуть(ся), хайпить, апнуть, донатить,*

завикипедить, чекинуть(ся), юзать, браузерить, гоуаутить, задефить ('успешно ответить на вопросы преподавателя' от *defence*), харассить, расшарить, смитинговаться, элонить ('проводить время в одиночестве'), сонейбахудовцы, свайтить (от *swipe*), перенайтать, офтопить, кульно, кульный (от *cool*), мемно, миллениэлочка, старлетка, ачивка, дигитализация, хаюшки (привет), высторивание ('тщательная работа с деталями' от *sure*), джжестивы ('напитки, подаваемые в конце еды'), брендирование и др.;

- приток слов с английским суффиксом *-ing*, ср.: даунишфтинг, секстинг ('пересылка личных фото'), моббинг ('травля сотрудника'), фаббинг ('привычка отвлекаться на мобильные устройства' от *phone + snubbing*), кейтеринг, шнорклинг, коворкинг, читинг, скрапбукинг (англ. *scrap booking* 'составление альбомов из вырезок'), типотинг, оулинг, бэтменинг ('изображающие людей в позе чайника, совы или Бэтмена'), версус эскалатор волкинг и создание слов с русской основой собянинг, крышеладинг, межвагон зацепинг, дуракавалякинг, уазинг ('путешествие на внедорожнике группой во время выходных'), откаттинг, позоринг, раздербанинг, объегоринг, охаинг, толкучинг и пр. и приставкой *over-*: овербенд, овербукинг, овердрайвер, овердрафт, оверквотинг, оверклокер, оверлоадинг, и окказионализмы с русской основой овердрянь, овердуб, оверкрут; суффиксом *-able*, ср.: блинабл, суперб(ол), майгодабл;

- усиление тенденций к заимствованию композитов и контаминантов (блендов): лайфхак (-шок), мастхэв, митушки (от *me too*), чейн-эйджеры, таймлапс, Хайли лайкли, грамарнаци, клаутлайтинг ('розыгрыш близких людей в сети'), шринкфляция ('продажа в уменьшенных объемах'), чиченгейт, Слуцкий-гейт, шеймовер (от *shame from hangover*), плоггинг (бленд англ. *jogging* и швед. *plöcka upp* – 'сбор мусора во время оздоровительной пробежки'), холивар ('бессмысленный спор в Интернете' от *holy war*), фак-/старт-/мэшап, броманс, вайфаиться, брекзиточение ('то, что испытывает Великобритания по случаю Брексита') и др.;

- развитие новых значений, в особенности у дериватов (семантические заимствования), ср.: залогинился 'заблудился', хипповать 'важничая, выставить напоказ', хоббит 'человек маленького роста', нарния 'гардеробная, платяной шкаф', аскать 'просить деньги у прохожих на улице', лайтовый 'легкий', пионеры 'знаменитости средней руки, всегда готовые прийти на программу по первому звонку'.

Перечисленные тенденции интересны тем, что показывают взаимодействие, интерференцию и вариативность актуальных словообразовательных процессов двух неродственных языков, с одной стороны, и творческие ресурсы русского языка по проведению границы между возможным и дозволенным как с семантической, так и словообразовательной точек зрения. Еще более неожиданными могут оказаться грамматические конструкции, проникающие в русский язык: *we need to watch this space...*

ЛИТЕРАТУРА

1. Левикова, С. И. Большой словарь молодежного сленга / С. И. Левикова. – М. : Гранд : Фаир-пресс, 2003. – 923 с.

2. *Кронгауз, М. А.* Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова. – М. : АСТ-Пресс, 2017. – 288 с.

3. *McWhorter, J.* Texting is killing language. JK! / J. McWhorter [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ted.com/talks/john_mcwhorter_txtng_is_killing_language_jk/transcript. – Дата доступа : 12.01.2019.

О. С. Горицкая, Н. В. Супрунчук (МГЛУ, Минск, Беларусь)

*БУЛЬБА VS. КАРТОШКА: ЧАСТОТНОСТЬ БЕЛОРУСИЗМОВ
И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СООТВЕТСТВИЙ
В БЕЛОРУССКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹*

Одной из ярких особенностей русского языка в Беларуси является использование элементов белорусского языка (белорусизмов): *бульба* ‘картошка’, *калыханка / колыханка* ‘колыбельная’, *каплицца* ‘часовня’ и т. п. Некоторые белорусизмы достаточно часто встречаются в русской речи, в то время как другие имеют окказиональный характер. Для определения большей и меньшей востребованности белорусских элементов в русскоязычной коммуникации мы готовим частотный словарь белорусизмов в белорусской разновидности русского языка. Словарь создается на базе Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), в котором представлена русская речь различных стран. Материал словаря ограничен текстами, созданными жителями Беларуси. Анализируется подкорпус блогов «Живого Журнала», отражающий современную русскую разговорную речь в письменной форме. Объем подкорпуса – 8,72 миллиарда словоупотреблений.

При анализе частотного списка возникает закономерный вопрос: чем обусловлена большая и меньшая частотность того или иного белорусизма в исследуемом идиоме? С одной стороны, частотность белорусизмов обусловлена тем, что определенные смыслы являются более или менее востребованными в коммуникации, в т. ч. в рамках отдельной дискурсивной сферы. Следовательно, белорусизмы, обозначающие феномены, о которых носители языка в целом говорят чаще, будут использоваться более активно, чем белорусизмы, обозначающие что-то менее широко обсуждаемое. С другой стороны, можно предположить, что какие-то объекты действительности будут с большей вероятностью обозначаться именно белорусизмами.

Для того чтобы проверить данную гипотезу, мы сопоставили частотность белорусизмов и их соответствий из русского литературного языка. На данном этапе мы отобрали 25 существительных-белорусизмов с абсолютной частотой более 10 словоупотреблений (от 11 до 354). Для каждого белорусизма были найдены наиболее близкие по семантике и стилистике соответствия в русском литературном языке (включая его разговорный сегмент). Белорусизмы, у которых нет однословных эквивалентов (например, *поречка / паречка – красная смородина*), а также многозначные слова и омонимы,

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).